

А.В. МАЛИНОВ

СЛАВЯНОФИЛЬСКИЕ ЗЕРКАЛА
(КРИТИКА В.И. ЛАМАНСКИМ ВОСПРИЯТИЯ
РОССИИ И СЛАВЯНСТВА В НЕМЕЦКОЙ НАУКЕ)¹

В статье рассматриваются взгляды крупнейшего отечественного слависта академика Владимира Ивановича Ламанского на немецкую науку. Ламанский относил себя к славянофильскому направлению в русской философии, был создателем учения о трех цивилизационных мирах, для него было характерно антагонистическое восприятие европейской культуры. Определение греко-славянского мира, частью которого является Россия, он дает через противопоставление романо-германскому миру или Европе. Показано формирование негативного образа европейской (немецкой) науки у Ламанского: от непосредственного знакомства с Германией во время научных командировок до несогласия с распространенной в Германии точкой зрения на Россию и славянство. Указаны основные моменты критики Ламанским немецких ученых: опровержение сравнения славян с женщинами, неграми, кельтами, рассуждения о туранстве русских, признание славян низшей расой и т.п. Делается вывод, что отрицательное отношение Ламанского к немецкой науке было вызвано политизацией славянского вопроса, стремлением немецких ученых обосновать неизбежность подчинения славян немцам, отказ славянам в возможности создать самобытную культуру.

Ключевые слова: славянофильство, Ламанский, немецкая наука, славянство, антагонизм, романо-германский мир, греко-славянский мир.

Критика германизма в русской науке и философии имеет давние корни. Еще ученый хорват Юрий Крижанич, которого В.С. Соловьев считал «первым истинным славянофилом»², приехав в Московское государство в середине XVII в., призывал царя Алексея Михайловича не доверять иностранцам, прежде всего, немцам. Стремясь выработать посредством «языковой sprawy» всеславянский язык, он ввел понятие *чужебесия*, вобравшее в себя негативные смыслы чрезмерного доверия ко всему иностранному и преклонения перед чужой культурой. Отрицательное отношение Крижанича к немцам дает пример конфессиональной критики, раскрывает неприятие католиком протестантского влияния в славянских землях. Главной целью его приезда в Москву была пропаганда церковной унии. Протестантизм, внося раскол в само западное христианство, лишь отдалял перспективу объединения церквей. Следующая заметная реакция на европеизм, на ученичество и подражание перед Западом относится к последней трети XVIII в., когда в контексте т.н. *просвещенного национализма* начинает формироваться русское национальное самосознание и национальная культура, национальная идентичность сменяет религиозную³. Полнее всего критическая философская рефлексия по отношению к европейской культуре была выражена в сла-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №21-18-00153, Санкт-Петербургский государственный университет).

² Бессчетнова 2019: 30.

³ См. подр.: Стенник 2004.

вянофильстве. Однако совершенно неверно представлять раннее славянофильство (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин) как антизападничество. Даже такой радикальный западник, как А.И. Герцен отмечал, что различие между оппонентами было лишь в деталях, оттенках, а не в принципах. Ранние славянофилы воспринимали Россию как часть Европы, более того, они мыслили Россию как во многом *подлинную Европу*, сохраняющую преданные забвению и поруганные в самой Европе ценности. Иное дело – т.н. «поздние славянофилы» (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.И. Ламанский), которые старались осмыслить исторические и религиозные противоречия России и Европы в качестве цивилизационного антагонизма. Антагонизм этот во многом вырос из тех противоречий, которые фиксировали ранние славянофилы, из стремления мыслить крайними категориями, обостряя бинарную логику культурно-исторического анализа: вера и разум, иранство и кушитство, народы-домостроители и народы-завоеватели, романская (католическая) и германская (протестантская) Европа и т.д. В «Письмах из Риги» и «Украинах России» Ю.Ф. Самарин политизировал критику германства, сделав ее внутренним фактором самой русской истории и культуры⁴. Такое восприятие немецкого влияния на Россию и славянство в целом получило дальнейшую разработку в учении крупнейшего отечественного слависта Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914).

Борьба с немецким засильем в русской науке, критика взглядов немецких ученых на славянство, восприятие вековой борьбы германцев и славян как проявления цивилизационного противостояния греко-славянского и романо-германского миров, предсказание неизбежной войны с объединенной Германией стали сквозной темой научного и публицистического творчества Ламанского. В отличие от ранних славянофилов, которые по преимуществу были дилетантами, Ламанский был профессором славяноведения Петербургского университета, известным специалистом по славянской истории и филологии. Оценка Европы и ее отношения к славянству была следствием как его профессиональных занятий, так и жизненного опыта, приобретенного в научных командировках, личных контактов в России и за границей. Особенно заметно различие отношения к европейской истории и культурному наследию при сравнении учения Ламанского со взглядами А.С. Хомякова⁵.

Как и большинство его современников (С.М. Соловьев, М.П. Погодин, К.Н. Бестужев-Рюмин, М.О. Коялович.) Ламанский воспринимал историю как науку национального самопознания. Наиболее оригинальная часть его учения – концепция трех цивилизационных миров – разрабатывалась им с начала 1860-х и нашла законченное выражение в позднем трактате «Три мира азийско-европейского материка» (1892)⁶. Самоопределение России, по Ламанскому, дается через систему взаимных от-

⁴ См.: Скорородова 2013.

⁵ См. подр.: Куприянов 2018.

⁶ Робинсон 1997.

ражений и противопоставлений, на фоне которых обретается цивилизационная идентичность России. Ближайший из них – греко-славянский (или Средний) мир, частью которого является Россия, включает в себя как славянские народы, позволяющие России и русскому народу осознать свою силу и историческое предназначение, а также греков, связывающих Россию с наследием Античности и другие «этнографические стихии», привносящие в греко-славянский мир разнообразие и обогащающие его в культурном отношении. Особое место в греко-славянском мире занимает Польша, которая является проводником чуждых этому цивилизационному целому начал, демонстрируя перерождение национальной культуры под влиянием иных цивилизационных оснований. Отношение Ламанского к исторической Польше не было однозначным, но его нельзя считать строго отрицательным⁷. Романо-германский мир, или собственно Европа, представляет собой цивилизационного конкурента Среднего мира, и между ними идет непримиримая борьба. Европа является тем инобытием (границей, пределом), на фоне которого или от которого Средний мир получает свою собственную определенность. В отношении Европы и греко-славянского мира можно усмотреть историческую аналогию между романо-германским миром и классической древностью. Христианская Европа является одновременно и наследником, и антитезой языческой Античности. Так же и греко-славянский мир, принимая начала христианской цивилизации, приходит на смену Европе. Ламанский дополняет свои рассуждения указанием на различие исторического возраста романо-германских и славянских народов, подтверждая тем самым, что его цивилизационная концепция также исходит из представления об органической природе народов и их культуры, дополненного принципами географического детерминизма. Различием возрастов он объяснял и многие отрицательные явления в русской истории, которые будут преодолены по мере взросления исторического организма. Высказывания Ламанского находят параллели в рассуждениях Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, а позднее и О. Шпенглера о России как молодом, в сравнении с Европой культурно-историческом типе⁸.

Более примирительно он отзывался о романских народах, например, отмечая в магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859) близость народного характера испанцев и славян. Более того, он полагал, что противоречия в Европе между романскими и германскими народами делают романцев (итальянцев и особенно испанцев) союзниками славян⁹. Еще один цивилизационный мир – это собственно Азия, абсолютная инаковость которой по отношению к Среднему миру, делает ее мало интересной для Ламанского.

Полнее всего в научном и философском наследии Ламанского раскрывается историческое противоборство славян и германцев, которое по

⁷ Саприкина 2013.

⁸ См., подр.: Тяпин 2019.

⁹ Ламанский 1860: 144.

прошеством веков никуда не исчезает, а лишь приобретает новые формы. В качестве одной из них он воспринимал засилье немецких ученых в Петербургской академии наук. Ламанский посвятил этому вопросу ряд исторических исследований и архивных публикаций (прежде всего, о М.В. Ломоносове и Академии наук в XVIII в.) и серию критических статей и научных опровержений (например, взглядов А.А. Куника, который, заметим, в целом согласился с критикой Ламанского). Не стоит думать, что его критика вытекала из ксенофобии или личной неприязни. В биографии Ламанского есть лишь один эпизод, когда он позволил себе высказать несогласие с «остзейской манерой» общения директора Публичной библиотеки барона М.А. Корфа с подчиненными, в которой тогда сам служил. После этого Ламанский покинул библиотеку. Его детство прошло в Петербурге скорее в полунемецкой, чем русской среде. Его ближайшим другом до конца жизни оставался историк русской литературы О.Ф. Миллер, впрочем, тоже примкнувший к славянофилам.

Оценка Ламанским германизма формировалась как под воздействием изучения исторической и современной литературы, так и личных впечатлений, полученных во время научных командировок, прежде всего, 1862–1864 и 1868–1869 гг. Проследить эти впечатления отчасти можно по его письмам. Наиболее содержательное из них – письмо министру народного просвещения А.В. Головнину – опубликовано, поэтому не нуждается в пересказе¹⁰. Первый раз посетив Берлин, Ламанский писал родителям 9/21 мая 1861 г.:

«Вообще пока Берлин мне не нравится, конечно. Относительно науки, образованности, его смешно сравнивать с Петербургом, но по наружности последний лучше Берлина. Зато чрезвычайно понравился мне Кёнигсберг, эта прусская Москва. Чрезвычайно оригинальный город. В нём сохраняется много старины, всего того, что живо воскресает в Вашей памяти старинный немецкий город не только какого-нибудь 16 в., но даже средних веков. Каких нагляделся я там чисто немецких типов и физиономий. Так вот и ходят перед вами портреты, картины Дюрера, Гольбейна, отчасти даже голландцев, тот же северо-немецкий тип. Мужчины уже в другой одежде, а женщин, старух торговок в особенности, и переодевать не надо. Не знаю, потерял ли бы что Кёнигсберг, если бы не было в нём вовсе военных, каких-то притом смешных, неуклюжих, хотя всё молодых, сильных, здоровых, но уверен, что для наблюдателей и туристов было бы гораздо приятнее не видеть этих гауптвахт, караулов. Кёнигсберг, по своему положению, играет в Пруссии и вообще в северной Германии, очень важную роль; его торговая деятельность с каждым годом возрастает. Дома все по большей части в три, четыре этажа, редко в два, зато очень часто в одном этаже не более трёх и даже двух окон. Улицы очень тесные, со множеством всяких переулков, Прегель – речка, протекающая через город, что-то вроде нашей Фонтанки или Мойки с миниатюрными мостами. С раннего утра, с 6-го до 10-го часа начинается движение в этом муравейнике; всюду толпится народ, каждый бежит с делом, с озабоченным видом, но чувство довольства и благосостояния написано на лицах, хотя всё совершается в каком-то строгом чине, всё точно, размерено, аккуратно. Русский может <...> всё найти прекрасным, но

¹⁰ Письма... 2009; Куприянов, Малинов 2020: 446–471.

чувствуется, однако, что всего этого ещё мало и если взять, например, несколько хороших лиц немецких и сравнить с таковыми же русскими, разумеется из народа, то вы сразу поймёте всю огромную разницу между немцами и нами. В лицах русских больше красоты, больше разума. На лице немца Вы не прочтёте той искренности и доброты, которой мы не замечаем или мало только потому, что привыкли к ней»¹¹.

Дальше он вновь обращается к внешности берлинских немцев:

«Любопытна очень молодёжь университетская, я рассматривал их лица, разговаривал с некоторыми. Лицо, тело – всё юношеское, а выражение глаз, лиц, телодвижений уже очень не молодое. Видно, что они все уже знают, чем они будут, как поведут свою жизнь. Нет в них ничего дерзкого, пылкого, отважного. Студенты тоже филистёры»¹².

В этом же письме Ламанский признавался, «в Берлине столько теперь иностранцев и особенно русских, что я толкался в три, четыре отеля, напрасно, нет ни одной свободной комнаты, наконец нашёл одну в Hôtel Zandhaus». «Стараюсь скорее выучится по-немецки, – писал он, – завожу беседу с немцами при каждом удобном случае, особенно в вагонах. Тут научаешься очень многому»¹³. Он посещает театры, оперу, ходит в библиотеку. По его словам, «что касается до Берлинской библиотеки, то во многих отношениях её и сравнивать нельзя с нашею»¹⁴.

«Вообще Берлин, – рассуждал Ламанский уже в письме из Будишина 16/28 мая 1862 г., – есть тот же Петербург, только немецкий дотла, без мужиков и всего того хорошего, что успело в него проникнуть русского. Разумеется, Берлин настолько же лучше немецкого Петербурга, насколько прусские и именно берлинские немцы лучше наших. Пруссаки любят хвастаться и гордиться своею свободою, но все эти их уверения должно принимать очень осторожно. Прусские немцы во многих отношениях такая же казна, как и наши»¹⁵.

Выводы Ламанского не случайны. Он всегда полагал, что в оторванном от народной почвы населении проступают, прежде всего, не лучшие черты его национального характера. С большей симпатией он относился к саксонским немцам. В цитируемом письме он делился еще одним наблюдением, намекающим на различие возрастов двух культур:

«Русский человек, знающий свою историю, может вообще без особенной зависти ходить по Берлину. Знаешь, видишь, что многого... хорошего у нас нет, но убеждён, что всё это будет у нас, только гораздо лучше, в более широких размерах. Вы чувствуете, что в них, этих учёных немцах нет вовсе той живости чувства и свежести понимания, той прекрасной доброты и непосредственности, горячей веры и любви, дерзости и отваги, которыми по счастью так богата одарена Россия. Был я и в Берлинском университете, впрочем слышал только две лекции Дройзена по истории, но студентов видел много. На вид юноши, а выражение лица чуть не старческое»¹⁶.

¹¹ СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 8–8 об.

¹² СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 9.

¹³ СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 9.

¹⁴ СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 12 об. – 13.

¹⁵ СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 12–12 об.

¹⁶ СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 13.

Подводя итог своим заграничным наблюдениям, он писал в одной из статей, опубликованной вскоре после возвращения на родину:

«Много пользы и удовольствия извлекает для себя русский наблюдатель в городах и деревнях Германии, изучая немецкую науку, восхищаясь старую, великою музыкою, любясь довольством, чистотою и трудолюбием жителей. Но странные, нескончаемые агитации о шлезвиг-голлштинском вопросе, о великом немецком флоте и единстве Германии, разные церемониальные Турн-Зенгер-Щюц-Ферейны, сердечная сухость и скаредность немцев наводят, под конец, страшную скуку. Таковую же тоску наводят славяне австрийские и турецкие своими жалобами, вздохами и стонами»¹⁷.

Первая заграничная командировка продлилась два с половиной года. Знакомство с европейской публицистикой и научной литературой значительно дополнило личные впечатления. Уже летом 1863 г. Ламанский писал родителям:

«Не бывши на Западе, трудно себе вообразить ту гадкую, подлую злобу и зависть, которую имеют европейцы к нам, русским. В разговорах с ними Вы замечаете, что они преисполнены самого высокого мнения о себе, самого жалкого о нас. Вы, напр[имер], гораздо образованнее и начитаннее его, Вы видите, что он во многих отношениях человек очень отсталый, и между тем он говорит с Вами покровительственным тоном, он Вас хвалит и одобряет, или начинает Вам учительски объяснять самые элементарные общественные или государственные понятия, напр[имер], о том, что в государстве должна быть свобода совести. Мы, русские, образованные люди, имеем всегда огромное преимущество перед образованными европейцами: мы знаем их неизмеримо лучше, чем они нас знают. Часто в разговорах с европейцами чувствуешь всю свою правоту и силу и щадишь их, ибо совестно, жалко раскрывать их тупость и невежество относительно их сведений и понимания России. Да к тому же отражая все нападки на Россию, пришлось бы указывать на такие мерзости и гадости их собственные, которые часто просто неисправимы. Иногда в осуждениях их нас с нравственной точки зрения раскрываешь не только умственную, но и нравственную грубость»¹⁸.

Австрийские и польские газеты «прямо говорят, что нас, русских, и особенно москалей следует просто стереть с лица земли. Они поучительнее Герцена, потому что, высказывая свою ненависть к нам, часто раскрывают причины её, свои страхи и опасения. Так для меня, для моих славянских занятий, разные австрийские брошюры и статьи о России, были очень полезны, указав на такие стороны восточного и славянского вопроса, на которые я и вообще русские мало или даже вовсе не обращали внимания»¹⁹.

Из этих и подобных наблюдений постепенно вызревал замысел докторской диссертации Ламанского. Впрочем, заграничные впечатления упали на подготовленную почву. Еще двумя годами ранее он писал (9 октября 1861 г.) в Москву И.С. Аксакову о том, что «надо ознакомить со взглядами Германии на нас не только наших дураков, но и других славян. Пусть они видят, что если их ценит Германия и боится, то только из-за русских. Надо сбить спеси с чехов, открыть глаза полякам»²⁰. Его возмущали те предрассудки и предвзятые мнения, которыми была

¹⁷ Ламанский 1865: 54.

¹⁸ СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 93 об.

¹⁹ СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 94.

²⁰ Переписка... 1916: 93.

наполнена европейская, в первую очередь, немецкая публицистика и научная литература. В статье о М.В. Ломоносове он замечал:

«Едва ли в какой другой великой европейской литературе, кроме немецкой, отличается, например, ученая полемика такою резкостью тона. Едва ли есть в немецком обществе более сильный порок, чем его национальные предубеждения, часто в высшей степени темные и фанатические <...> и глубокая поныне вражда к славянам»²¹.

Обращение к Ломоносову не случайно. С него начинается борьба с иностранным засильем в русской науке, а по мысли Ламанского, и становление новой русской национальной культуры. Ламанский во многом мифологизирует Ломоносова, представляя его в качестве культурного героя, творца, равного политическому гению Петра I. Критика мнений европейцев о России и славянах, по Ламанскому, должна быть адресована не только русской образованной публике, но и самим славянам.

В итоге обзор взглядов европейских ученых на Россию и славянство лег в основу докторской диссертации Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871). В отклике на смерть Ламанского профессор Новороссийского университета И.А. Линниченко признавался, что диссертация ученого – «наименее научная из его работ»²². Планы Ламанского несколько раз менялись. Вначале он задумал написать диссертацию о «Законнике» Стефана Душана, затем увлекся историей усюков и с целью сбора материалов о них полтора года проработал в итальянских архивах (1868–1869). Формально исследование Ламанского относилось к области славянской филологии – его основной научной специальности, но преобладающее содержание диссертации было посвящено проблемам историографии и философии истории. До выхода книги Ламанского в отечественной литературе не было столь подробного и откровенного описания европейской, главным образом немецкой, научной литературы по славянскому вопросу. С этой целью он привлек широкий круг авторов: В. Менцель, Г. Дитцель, Коль, Каттнер, Буддеус, Штриккер, Маттеи, Гарлес, К. Лемке, Кельм, Риль, Ю. Фребель, М.В. Геффтер, Нейманн, Пёлитц, Луден, Лудвиг, Гакет, Лео и др.

За многообразием частных исследований Ламанский вскрывает аксиоматику немецкой науки относительно славян. Он показывает, что в европейской ученой литературе славяне рассматриваются как низшая раса, подобная неграм, хамитам, туранцам; они пассивны, ленивы, грубы, невежественны, у них преобладают материальные интересы и проч. Например, подробно рассматривая взгляды немецкого историка Г. Лео, он заключал: «Общий смысл рассуждений Лео состоит в том, что славяне хотя и имеют много милого и любезного, даже некоторые преимущества перед немцами, все таки суть раса низшая, чем германцы»²³. Цивилизующая роль в истории славян принадлежит немцам. Сами же сла-

²¹ Ламанский 1863: 8.

²² Линниченко 1915: 245.

²³ Ламанский 1871: 72.

вяне не способны к самобытной политической жизни. Так, русское государство на протяжении своей тысячелетней истории держалось управлением норманнов и немцев. Все это, с точки зрения германской науки, оправдывает необходимость дальнейшего распространения немецкого элемента в землях славянских и немцев в русской администрации.

Ламанский воспроизводит ряд аргументов, которые используют европейские ученые, чтобы доказать подчиненное положение славян. Прежде всего, это сопоставление славян с женщинами, точнее убеждение в том, что германцы являются носителями в истории мужского начала, а славяне – женского. На это Ламанский остроумно парирует:

«На сравнении славян с женщинами, – так оно неудачно и странно, – было бы смешно долго останавливаться. Так как славянам приписывается природа женственная, сравнительно с германцами, немцами, которым усвоится характер мужественный, то естественно заключить, что славяне ниже, не способнее немцев-мужчин, и похожи собственно на немок. Но на кого же тогда будут похожи славянки? В субъективном отношении это сравнение любопытно, обнаруживая не слишком высокие и лестные взгляды некоторых немецких ученых на прекрасные их половины <...> Уподоблением славян женщинам ученые наши желали указать на служебную роль и необходимость подчинения славян немцам»²⁴.

Другое сопоставление сближает славян с неграми. Ламанский приводит мнения европейцев о неграх, очевидно, призванные оправдать практику работорговли. Он, в частности, цитирует президента лондонского антропологического общества Д. Ханта, утверждавшего: «негр, по своим физическим и духовным отличиям от европейца, образует особый, самостоятельный вид (species) в роде человеческого. У негра гораздо более, чем у европейца, сходства с обезьяною. Негры не имеют истории. Они не умеют бегать, не способны к военной службе. Они отвратительные работники. Негр развивается только до отрочества и потом останавливается в своем развитии»²⁵. «Сравнение славян с неграми, – отвечал в свою очередь Ламанский, – не имеет никакого научного значения и не обличает особенной критической прыткости и умственной бойкости. Оно основано лишь на предполагаемом сходстве весьма сомнительного психического признака, якобы общего славянам и неграм»²⁶.

«Гораздо любопытнее сравнение славян с кельтами, – продолжал Ламанский разбор немецких воззрений. – Говорят: славяне второе, исправленное, но более удобное к употреблению издание кельтов, – к употреблению, вероятно, германской расы. Уподобление любопытное, обличающее несколько библиотечарский взгляд на мир и его историю»²⁷. Высокомерное и во многом отрицательное отношение европейской науки к кельтам послужило основой для еще одной сомнительной исторической аналогии. «В немецкой ученой литературе давно уже состави-

²⁴ Ламанский 1871: 157.

²⁵ Ламанский 1871: 135–136.

²⁶ Ламанский 1871: 142.

²⁷ Ламанский 1871: 72.

лось убеждение, что кельты — раса несравненно низшая, чем германцы. Сравнение славян с кельтами, приятное в этом отношении, могло понравиться в Германии и как утешительное и отрадное указание на сходное с кельтским, ожидающее славян будущее»²⁸. Ламанский перечислял приписываемые кельтам черты: склонность к мистицизму, огромное общественное влияние касты жрецов-друидов, господство аристократического начала в политическом быте, пренебрежение земледелием. Подчеркивая несуразность сопоставления, он приводил особенности славянского быта: отсутствие в основном касты жрецов и сильной аристократии, занятие преимущественно земледелием. Все это ставит под сомнение продуктивность используемой аналогии. Более того, различие славян и кельтов он усиливает указанием на различие языков: славянский язык из всех индоевропейских языков менее всего сроден с языком кельтов. Сближение славян и кельтов видится немецким ученым в общности исторической судьбы двух народов: кельты были покорены римлянами и германцами; славяне, как и кельты, должны стать «такими же дрожжами для Германии», цитирует попутно Ламанский Т. Моммзена²⁹. На основании столь гадательной аналогии европейская наука выносит «приговор об исторической неспособности славян, о невозможности им создать свою самобытную образованность»³⁰; «...сравнение славян с кельтами, так же как с неграми и с женщинами, одинаково неудачно и даже неостроумно», — подводил Ламанский неутешительный итог многолетних усилий европейского славяноведения³¹.

К новейшим достижениям европейской науки относится попытка лишить русский народ славянских корней. Этой цели служит сравнение славян с туранцами. «Подобные сравнения могут быть правильны и уместны, если они служат к пояснению неизвестного и темного чем-нибудь известным и определенным», — делает Ламанский методологическое замечание, а затем продолжает: «Вообще сравнивая славян с туранцами, немецкие писатели руководятся больше и даже исключительно желанием похулить и унижить славян, а вовсе не желанием лучше себе выяснить их призвание и судьбы. <...> Германия знает туранцев еще несравненно менее [чем славян], имеет о них понятия еще более смутные, и даже еще более презирает их как людей низшей породы»³². «Общее европейское мнение о татарстве русских» или о «туранстве московитов»³³ приобрело наибольшую популярность во Франции благодаря «галлоцикации бедного Духинского»³⁴. Подробнее Ламанский останавливался на разборе мнений французских ученых. Он указывал на различие славян и туранцев в языке и религии, не позволяющее отождеств-

²⁸ Ламанский 1871: 72.

²⁹ Ламанский 1871: 161.

³⁰ Ламанский 1871: 179.

³¹ Ламанский 1871: 184.

³² Ламанский 1871: 211–213.

³³ Ламанский 1871: 142.

³⁴ Ламанский 1871: 142.

лять эти народы. В языковом и религиозном отношении славяне ближе романо-германским народам, чем монголам. Впрочем, многолетняя работа Ламанского в Русском географическом обществе (более четверти века он возглавлял Этнографическое отделение) и научные исследования убедили его в несправедливости пренебрежительного отношения европейцев к тюрко-монгольскому миру. Председательствуя в Этнографическом отделении, он всячески поддерживал экспедиции Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева и др. по изучению Северной Азии; как редактор журнала «Живая старина» поощрял публикации результатов этих экспедиций, исследований и текстов по тюрко-монгольской этнографии и фольклору. Он был убежден, что все крупные нации (в т.ч. европейские) являются смешанными; метисация неизбежна у народа, населяющего большую территорию и активно контактирующего с другими этносами:

«Нет никакого разумного основания полагать, что финны, монголы, турки, с которыми мы так давно смешиваемся и еще Бог даст многие века будем смешиваться, ниже, мало способнее, слабее физически и нравственно всех не-арийских первобытных обитателей Европы и Америки, с которыми смешались европейцы у себя дома и продолжают смешиваться в Америке»³⁵.

Ламанский предложил программу развития инородцев, проживающих в России: изучение их истории и культуры, формирование национальной интеллигенции, распространение образования на национальных языках. Крайне отрицательно он относился к политике русификации. По верному замечанию М.А. Робинсона, Ламанский «придерживался в целом консервативных воззрений, но при этом позволял себе довольно резкую критику как внешней политики России, так и, в особенности, ее внутренних порядков и никогда не страдал политическим панславизмом и тем более панрусизмом»³⁶. Превосходство германцев над славянами, обосновываемое европейской наукой посредством сомнительных аналогий и сравнений служит оправданием их господства в славянском мире. Ламанский обнажает мифологическую подкладку европейского мышления, ведущую к выводам, пагубность которых для славян очевидна:

«И там и тут, – писал он в диссертации, – национальному германскому сознанию немецкий элемент является представителем высшего, доброго, светлого начала, а элемент славянский носителем начала низшего, злого и темного <...> И в России, как и в прочих славянских землях, немецкая стихия имеет высокое призвание разносить высшую культуру, цивилизовать и облагораживать простого *подзаконного* человека славянского»³⁷.

Согласно немецким ученым: «Только утверждение немецкой стихии в той или другой земле славянской сообщает ей всемирно-историческое помазание, только господство, власть или влияние немцев у того или другого народа славянского дает ему возможность принять подобие народа исторического»³⁸. Ламанский отмечает, что это утверждение для

³⁵ Ламанский 1871: 314–315.

³⁶ Робинсон 2004: 303.

³⁷ Ламанский 1871: 110.

³⁸ Ламанский 1871: 112–113.

самых немцев – «пошлый трюизм», «изношенная истина», стереотип, высказывающийся уже на протяжении нескольких веков. Однако такой же точки зрения придерживаются и немцы, проживающие в России. От них и русское образованное общество перенимает «немецкие воззрения на Россию». Ламанский признавал давность и бесполезность германского элемента в русской истории, но призывал его не абсолютизировать. Критике этого мнения, главным образом, и была посвящена его диссертация, которая должна была показать европействующей интеллигенции в России и других славянских землях, что на самом деле думают о них европейцы. Желая опровергнуть предвзятые мнения немецкой науки, Ламанский приводил не менее предвзятую подборку высказываний о славянах европейских ученых. Оппоненты упрекали его в том, что он сознательно игнорирует более «объективные» европейские исследования, замалчивает положительные отклики немцев о славянах (они есть в книге, но значительно уступают критикуемой точке зрения). Задача Ламанского состояла в другом: с одной стороны, показать преобладающее мнение немцев о славянах, а, с другой стороны, представить это мнение в крайней, даже гипертрофированной форме, чтобы, так сказать, предьявить идеальный тип западного славяноведения.

Ламанский признавал лидерство немецкой науки в современном ему мире. Более того, никто кроме немцев, уверял он, на протяжении тысячи лет контактировавших со славянами, не знает славянские народы лучше. Сам Ламанский во многом зависел от концепций немецких ученых и, в частности, в своем учении о языке опирался на идеи В. Гумбольдта. Однако это не мешало ему видеть недостатки немецкой науки, ее небеспристрастность и преследование политических целей:

«Эта невиданная и небывалая нигде прежде вера в силу и непогрешимость национального разума, – писал он о немецкой науке, – согревает многих и многих ученых в отдельности, незаметно обращаясь у них в веру в собственный единоличный разум. От этого быть может ни в какой другой европейской литературе, кроме немецкой, нельзя найти такую массу книг, в которых величайшие пошлости и нелепости излагались бы с таким серьезным тоном и с такою смешною уверенностью в глубине и премудрости»³⁹.

В мнении немцев о славянах он видит и конкретные опасения: объединение славян вокруг России – единственного славянского государства:

«Так можно заметить, что с нерасположением немцев к славянам западным, особенно чехам и словакам, соединяется больше презрения и пренебрежения, а к нерасположению их к русским скорее примешиваются страх и опасения <...> В этом страхе и опасениях Германии главной пружиной всегда была мысль о том, как бы различные славянские народности не отложили свои распри, не соединились между собою, не заключили общего оборонительного или наступательного союза против Германии. <...> Развитие славянской идеи в России и русских симпатиях славянских вполне справедливо считается немцами за наивернейшее средство для осуществления столь неприятной и противной им задаче»⁴⁰.

³⁹ Ламанский 1871: 223.

⁴⁰ Ламанский 1871: 109–110.

Не признавая равенства со славянами, Европа готова их принять только при условии их враждебности к России. Славяне нужны Европе лишь как средство борьбы с Россией. Иной ценностью (культурной, политической, этнографической и т.п.) славяне для Европы не обладают.

«Европа заявляет сверх всякого ожидания, что она стоит за свободу, независимость и самобытность славянских и других восточных народов единоверцев России, впрочем прибавляет: под единственным лишь условием, чтоб они были заодно с нею против России. <...> Подобного, впрочем, сочувствия Европы к славянам, как к этой презираемой ею расе, к этим белым неграм, не оберешься, начиная с Карла Великого, когда романо-германцы стали систематически покорять римскому папе и немецкому императору разбитые и разрозненные племена славянские. Бодричам, изменившим союзу полабских славян против франков, чехам, изменившим Моравии, лютичам, ненавидевшим поляков, полякам, подымавшимся на Россию с XVI в. до новейшего времени, сербам, недавно напавшим на Болгарию и болгарам, идущим теперь против России всегда было обеспечено сочувствие Европы»⁴¹.

Для славян последствия германизации имеют исключительно негативные последствия: ассимиляция славян в Восточной Германии, ослабление национального сознания у чехов и т.д. Германские государства (Австрия и Пруссия) намеренно поддерживают и развивают партикулярный славянский национализм, чтобы заглушить призывы к славянскому единству, возбудить среди славян вражду к России. Немецкая наука действует в том же направлении. Ламанский, в своем выступлении «Андрей Фрич Моджевский» в заседании Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета 14 февраля 1874 г., констатировал, что «за весьма редкими исключениями, сочинения ученых немецких о славянстве, особенно западном, всегда направлены к известной цели — доказать культурную необходимость скорейшей германизации западных славян, их умственную несостоятельность и малую оригинальность»⁴². Десятилетием ранее в исследовании о М.В. Ломоносове он отмечал: «Задача Германии относительно России была та же, что и относительно западных славян: селиться и колонизироваться в ней, вносить в нее свою образованность, подчинять ее своему просветительному началу»⁴³. Анализ европейской научной литературы, предпринятый Ламанским в докторской диссертации, служил предостережением для России, показывая, что под видом научных исследований и «объективных фактов» скрывается пропаганда «нового крестового похода Европы против России». Ламанский был убежден в неизбежности военного столкновения России с Германией, которое, учитывая противоречия в Европе, примет масштабы общеевропейской войны. Эти рассуждения, более определенно высказанные им в трактате «Три мира азийско-европейского материка» (1892), можно оценить как предсказание мировой войны. Именно так восприняли их современники. Не случайно книга Ламанского была переиздана в 1916 г.

⁴¹ Ламанский 1886: 558.

⁴² Первые... 1883: 265.

⁴³ Ламанский 1863: 78.

Сосредоточиваясь на обзоре немецкой научной литературы, которая во многих областях доминировала в Европе, Ламанский в то же время признавал значительный вклад романских народов в становлении новоевропейской науки и культуры. Более того, он указывал на зависимость европейской культуры от античного наследия и отмечал, что современная история западной Европы есть «прямое естественное развитие средних веков», но современная Германия неоднородна: «В самом специальном христианско-немецком мире и его образованности нельзя не признавать более или менее значительного участия двух инородческих стихий – западнославянской и еврейской»⁴⁴. Несогласие с выводами немецких ученых не делало Ламанского германофобом. Он неоднократно положительно высказывался о немецкой культуре, ученом мире и самих немцах. В 1884 г. Ламанский писал о немецкой науке:

«Она создала много великого и прекрасного. Но она, как и все национальные культуры, все же во многих отношениях односторонняя и исключительная, как нередко исключительны и самые национальные интересы, ею представляемые. Тем не менее, это культура великая, сильная, богатая, хранящая в себе много сокровищ для всех народов, но далеко не вполне общечеловеческая. Потому уважать и изучать ее мы, русские, всегда будем, но прививать ее себе, подчиняться и следовать ей до утраты или ослабления народного нашего самосознания, до отрицания или искажения наших идеалов, мы не желаем и желать не можем»⁴⁵.

Ламанский писал И.С. Аксакову (вероятно в 1882 г.): «Немцы всё же самое сильное и здоровое племя на Европейском континенте. Земель мало, людей и капиталов довольно. Что же им делать? И что нам тут делать? Ведь не избивать же нам немцев? Помнить надо, что с немцами мы всегда будем соседями и соперниками»⁴⁶. Он отмечал благотворность немецкой колонизации в Америке, необходимость немецких колоний в Африке, полагая, что это направление внешней политики германских государств перспективнее, чем *Drang nach Osten*, поскольку иначе неизбежно приведет к конфликту между Австрией и Пруссией.

Ламанский, понимая неизбежность политического объединения немецких земель Пруссией, указывал, что в России аналогичный политический вопрос был положительно разрешен несколькими столетиями ранее. Своему ученику А.С. Будиловичу он признавался: «Мне кажется, на счастье нам и на беду немцев, Германия может быть объединена только Пруссией, а по своему географическому положению и всему историческому развитию Пруссия не может надолго и навсегда овладеть игемонией в Германии. Кроме того, протестантство только усиливает германский индивидуализм»⁴⁷. Вслед за объединением Германии и Италии настает время и для более тесного общения славянских народов, в связи с чем Ламанский рассуждал «о воспитательном значении объединения

⁴⁴ Ламанский 1871: 238–239.

⁴⁵ Ламанский 1884: 20–21.

⁴⁶ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1: 177 об., 180.

⁴⁷ Ламанский 1863: 78.

Германии для славянства»⁴⁸. Усиление Италии и Германии, вследствие их объединения, успехи в культуре и образовании, за ним последовавшие, должны послужить примером для западных и южных славян.

Критика европейских учений о славянстве, предпринятая Ламанским в диссертации, почти не встретила отклика в русской науке и публицистике, на нее не вышло рецензий, краткие отзывы в журналах лишь аттестовали ее как научный курьез, даже политический памфлет, а не серьезное исследование. Непонимание современников, конечно, огорчало Ламанского; его письма этой поры указывают, скорее, на состояние депрессии, в котором он пребывал. Для подтверждения своих взглядов он приступил к публикации архивных документов, собранных во время заграничной командировки. Работа продолжалась 15 лет. В 1884 г. в Петербурге вышел почти тысячестраничный том «Государственные тайны Венеции», содержащий архивные документы на итальянском и латинском языках и франкоязычные исследования самого Ламанского⁴⁹. Ученый считал этот сборник исследований и документов своей главной заслугой перед исторической наукой. Содержащий уникальные исторические свидетельства и факты сборник Ламанского должен был показать европейскому ученому миру, что все обвинения России в политических грехах (убийствах, отравлениях и т.п.) в гораздо большей степени принадлежат самой Европе. Негативные явления русской истории, в основной своей части, есть результат западноевропейских влияний, в то время как в Европе они являются неизбежным следствием ее религиозного и просветительного начала. Ламанский сторицей возвращает Европе ее упреки и обвинения. В 1879 г. он предпринял еще одну попытку анализа европейской историографии и публицистики, опубликовав в «Русском вестнике» большую статью «Евреи и немцы в Привислянском крае», в которой показал антигуманистическую основу польских мнений о евреях и немцах. Он ограничился анализом польской литературы, однако цель его работы была такой же, как и в докторской диссертации – продемонстрировать как европейская наука и публицистика формирует нетерпимость в обществе и оправдывает антигуманную политику государств. Известно, что славянофильство было во многом направлением критическим, т.е. славянофилы часто формулировали свои взгляды, отвечая на критику в свой адрес, реагируя на выпады своих идейных противников. Историсофская и политико-географическая концепция Ламанского также возникла в качестве ответа и отражения взглядов европейских ученых на славянство и Россию.

Архивы

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 14.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44.

⁴⁸ Ламанский 1892: 110.

⁴⁹ Куприянов, Малинов 2019; Малинов, Морозов, Тоноян 2019.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бессчетнова Е.В. Диалог В.С. Соловьева и А.А. Киреева о путях и характере христианского единства // Философский полилог Журнал международного центра изучения русской философии. 2019. № 2. С. 27–36. [Besschetnova E.V. Dialog V.S. Solov'eva i A.A. Kireeva o putyakh i karaktere xristianskogo edinstva // Filosofskij polilog Zhurnal mezhdunarodnogo centra izucheniya russkoj filosofii. 2019. № 2. S. 27–36.]
- Куприянов В.А. Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А.С. Хомяков и В.И. Ламанский) // Соловьевские исследования. 2018. № 2 (58). С. 21–33. [Kupriyanov V.A. Rossiya i Evropa v rannem i pozdnem slavyanofil'stve (A.S. Homyakov i V.I. Lamanskij) // Solov'evskie issledovaniya. 2018. № 2 (58). S. 21–33.]
- Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 560 с. [Kupriyanov V.A., Malinov A.V. Akademik V.I. Lamanskij. Materialy k biografii i nauchnoj deyatel'nosti. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2020. 560 s.]
- Куприянов В.А., Малинов А.В. Русский славянофил в поисках Европы: образы России и Европы в книге «Государственные тайны Венеции» В. И. Ламанского // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 3. С. 260–285 [Kupriyanov V.A., Malinov A.V. Russkij slavyanofil v poiskakh Evropy: obrazy Rossii i Evropy v knige «Gosudarstvenny'e tajny Venecii» V. I. Lamanskogo // Sociologicheskoe obozrenie. 2019. T. 18. № 3. S. 260–285.]
- Ламанский В.И. Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк. Первые четыре главы. СПб.: в тип. А.А. Каревского, 1863. 102 с. [Lamanskij V.I. Mixail Vasil'evich Lomonosov. Biograficheskij ocherk. SPb.: v tip. A.A. Karevskogo, 1863. 102 s.]
- Ламанский В.И. Национальность итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб.: в типографии А.А. Краевского, 1865. 92 с. [Lamanskij V.I. Nacional'nosti ital'yanskaya i slavyanskaya v politicheskom i literaturnom otnosheniyax. SPb.: v tipografii A.A. Kraevskogo, 1865. 92 s.]
- Ламанский В.И. О положении болгарских славянских дел с точки зрения историка и слависта // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 12. С. 556–564. [Lamanskij V.I. O polozhenii bolgarskix slavyanskix del s točki zreniya istorika i slavista // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshhestva. 1886. № 12. S. 556–564.]
- Ламанский В.И. О том, что будто немецкой культуры нет, никогда не было и быть не может. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1884. 51 с. [Lamanskij V.I. O tom, chto budto nemeckoj kul'tury net, nikogda ne by'valo i by't' ne mozhет. SPb.: Tip. E. Evdokimova, 1884. 51 s.]
- Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб.: Тип. Майкова, 1871. 316 с. [Lamanskij V.I. Ob istoricheskom izuchenii greko-slavyanskogo mira v Evrope. Spb.: Tip. Majkova, 1871. 316 s.]
- Ламанский В.И. Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра: «О Славянах в Малой Азии, Африке и в Испании» // Русская беседа. 1860. Кн. 19. № 1. С. 135–148 [Lamanskij V.I. Rech', proiznesennaya v S.-Peterburgskom universitete 31 yanvara 1860 g. pri publichnoj zashhite dissertacii na stepen' magistra: «O Slavyanax v Maloj Azii, Afrike i v Ispanii» // Russkaya beseda. 1860. Kn. 19. № 1. S. 135–148.]
- Ламанский В.И. Три мира Азийско-европейского материка. СПб.: Типо-хромолитография А. Траншеля, 1892. 132 с. [Lamanskij V.I. Tri mira Azijsko-evropejskogo materika. SPb.: Tipo-xoromolitografiya A. Transhelya, 1892. 132 s.]
- Линниченко И.А. Патриарх русского славяноведения (В.И. Ламанский) // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 244–253 [Linnichenko I.A. Patriarx russkogo slavyanovedeniya (V.I. Lamanskij) // Golos minuvshеgo. 1915. № 2. S. 244–253.]
- Малинов А.В., Морозов В.Н., Тоноян Л.Г. «...Я сделал лучшее дело моей жизни»: работа В.И. Ламанского в венецианских архивах // Вопросы истории. 2019. № 12. С. 275–287 [Malinov A.V., Morozov V.N., Tonoyan L.G. «...Ya sdelał luchshee delo moej zhizni»: rabota V.I. Lamanskogo v venecijskix arxivax // Voprosy istorii. 2019. № 12. S. 275–287.]
- Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества (бывший Петербургский отдел славянского благотворительного комитета в Москве) по протоколам общих собраний его членов, состоявшихся в 1868–1883 гг. СПб.: тип. А.М. Котомина и К°, 1883. 862 с. [Pervy'e 15 let sushhestvovaniya S.-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshhestva (byvshij Peterburgskij otdel slavyanskogo blagotvoritel'nogo komiteta v Moskve) po protokolam obshch sobranij ego chlenov, sostoyavshixsya v 1868–1883 гг. SPb.: тип. А.М. Котомина и К°, 1883. 862 с.]

- blagotvoritel'nogo komiteta v Moskve) po protokolam obshhix sobranij ego chlenov, sostoyavshisya v 1868—1883 gg. SPb.: tip. A.M. Kotomina i Ko, 1883. 862 s.].
- Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. XII. С. 83–114. [Perepiska dvux slavyanofilov // Russkaya my'sl'. 1916. Kn. XII. S. 83—114.].
- Письма В.И. Ламанского К.С. Аксакову, А.В. Головнину, О.Ф. Миллеру, В.М. Владиславлению, Л.Н. Майкову // Вече. Журнал русской философии и культуры. Выпуск 19. СПб., 2009. С. 172–209. [Pis'ma V.I. Lamanskogo K.S. Aksakovu, A.V. Golovninu, O.F. Milleru, V.M. Vladislavlevu, L.N. Majkovu // Veche. Zhurnal russkoj filosofii i kul'tury'. Vy'pusk 19. SPb., 2009. S. 172–209.].
- Робинсон М.А. В.И. Ламанский и его трактат «Три мира азийско-европейского материка» // Славянский альманах. 1996. М.: Институт славяноведения РАН, 1997. С. 90–106. [Robinson M.A. V.I. Lamanskij i ego traktat «Tri mira azijsko-evropejskogo materika» // Slavyanskij al'manax. 1996. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 1997. S. 90–106.].
- Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917–начало 1930-х годов). М.: Индик, 2004. 432 с. [Robinson M.A. Sud'by akademicheskoj e'lity: otechestvennoe slavyanovedenie (1917–nachalo 1930-x g.). M.: Indrik, 2004. 432 s.].
- Саприкина О.В. Польская тема в научном наследии В.И. Ламанского (по материалам архивов Санкт-Петербурга) // Вестник РГГУ. 2013. Сер.: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. № 4/105. С. 93–96 [Saprikina O.V. Pol'skaya tema v nauchnom nasledii V. I. Lamanskogo (po materialam arxivov Sankt-Peterburga) // Vestnik RGGU. 2013. Ser.: Dokumentovedenie i arxivovedenie. Informatika. Zashhita informacii i informacionnaya bezopasnost'. № 4/105. S. 93–96.].
- Скорородова С.И. Философия истории Ю.Ф. Самарина в контексте русской философской мысли XIX – первой четверти XX века. М.: Прометей, 2013. 432 с. [Skorodova S.I. Filosofiya istorii Yu.F. Samarina v kontekste russkoj filosofskoj my'sli XIX – pervoj chetverti XX veka. M.: Prometej, 2013. 432 s.].
- Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII—начала XIX века. СПб.: Наука, 2004. 277 с. [Stennik Yu.V. Ideya «drevnej» i «nojvoj» Rossii v literature i obshhestvenno-istoricheskoy my'sli XVIII—nachala XIX veka. SPb.: Nauka, 2004. 277 s.].
- Тяпин И.Н. Проблема исторического возраста России в концепции О. Шпенглера (в контексте влияния Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева) // Философский полилог. Журнал международного центра изучения русской философии. 2019. № 2. С. 37–45. [Tyapin I.N. Problema istoricheskogo vozrasta Rossii v koncepcii O. Shpenglera (v kontekste vliyaniya N.Ya. Danilevskogo i K.N. Leont'eva) // Filosofskij polilog. Zhurnal mezhdunarodnogo centra izucheniya russkoj filosofii. 2019. № 2. S. 37–45.].

Малинов Алексей Валерьевич, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, a.v.malinov@gmail.com

Slavophil Mirrors (V.I. Lamansky's Criticism of the Perception of Russia and Slavism in German Science)

The article examines the views of the largest Russian Slavist academician Vladimir Ivanovich Lamansky on German science. Notes that Lamanskii regarded himself a Slavophile trend in Russian philosophy, was the founder of the doctrine of the three worlds of civilization for which was typical of antagonistic perceptions of European culture. The definition of the Greco-Slavic world, of which Russia is a part, is given by him through opposition to the Romano-Germanic world or Europe. The formation of a negative image of European (German) science in Lamansky is shown: from direct acquaintance with Germany to disagreement with the point of view on Russia and the Slavs that is widespread in Germany. The main points of his criticism of German scientists are indicated: refutation of the comparison of the Slavs with women, Negroes, Celts, reasoning of the Russians' outrageousness, recognition of the Slavs as a lower race, etc. Substantiate the inevitability of the subordination of the Slavs to the Germans, the refusal of the Slavs to create an original culture.

Key words: Slavophilism, Lamansky, German science, Slavism, antagonism, Romano-Germanic world, Greco-Slavic world.

Alexey Malinov, D.Sc. (Philosophy), Professor, St. Petersburg State University, a.v.malinov@gmail.com